

К 50-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ: СОБЫТИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ, МНЕНИЯ

© 1995 г., ЭО, № 3

А. М. Решетов

ОТДАНИЕ ДОЛГА. ЧАСТЬ II

Памяти сотрудников Института
этнографии АН СССР —воинов
Великой Отечественной войны

23 сентября 1943 г. участники общего собрания Академии наук СССР приняли обращение к Красной Армии. В нем, в частности, говорилось: «Никогда страна не забудет тех, кто кровью своей отстаивал свободу и счастье Отчизны»¹. С тех времен прошло свыше полувека. Демографы, военные и гражданские историки до сих пор подсчитывают людские потери в Великой Отечественной войне. Это только подтверждает факт колоссальных жертв, которые положили советские люди на алтарь победы. Дорогой ценой далась она нашему народу.

Свою посильную лепту в это великое дело внесли и сотрудники Института этнографии, призванные по мобилизации и ушедшие на фронт добровольцами. Некоторые из них не вернулись с войны, судьба других нам до сих пор не известна, третьи, вернувшись к труду этнографа, всю оставшуюся жизнь жили воспоминаниями о фронтовых буднях и боевых товарищах. Умирая в разное время в послевоенные годы, они оставались, независимо от воинских званий, солдатами Великой Отечественной.

Сейчас трудно сказать, с каким чувством все эти люди шли на войну. Конечно, она воспринималась ими как большое несчастье. Беря в руки винтовки, они едва ли думали о возможной смерти. Прежде всего все верили в скорую победу над врагом и возвращение в родные стены исторической Петровской Кунсткамеры.

В год 50-й годовщины победы над немецко-фашистскими захватчиками мне показалось крайне важным собрать все доступные сведения о тех, кто до войны работал в нашем институте и ушел защищать Родину, не думая о том, какую цену они за это заплатят. Данная статья посвящена коллегам, которые не щадя жизни, сил, здоровья, отстаивали для нашей Родины свободу и независимость.

В фойе Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН висит доска из белого мрамора, на которой золотыми буквами написано: «Светлой памяти сотрудников Института этнографии, погибших в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Пали в боях за Родину *Г. Д. Вербов, М. В. Евстратов, А. М. Кукулевич, И. М. Лecomцев, А. В. Мачинский, Н. П. Никульшин, А. А. Савинич, А. Шакуров, К. Н. Шакуров, Н. Б. Шнакенбург*». Но на фронт ушло значительно большее количество научных и технических сотрудников. Указанные на мемориальной доске товарищи погибли. Некоторые из ушедших на войну дожили до Победы, вернулись и работали в Институте или были связаны с Институтом, но теперь и их уже никого нет в живых. Другие не объявились после окончания войны, судьба их мне, как и другим, не известна. Известно только, что они ушли на фронт из стен нашего Института. И мне думается сегодня важно рассказать о каждом из них.

В первый день войны в армии уже находился *Алексей Владимирович Мачинский*². Он был призван на военную службу еще в декабре 1939 г. А. В.

Мачинский родился 3 (16) марта 1910 г. в Калуге в дворянской семье. Его отец был инженером-технологом, начальником материальной службы Северо-Западной железной дороги, мать — учительницей и воспитательницей. В 1918—1927 гг. Алеша учился в 1-й Детскосельской школе, после окончания которой в 1927 г. поступил в Ленинградский историко-лингвистический институт, на отделение древнего мира факультета языкознания и истории материальной культуры. В первые годы учебы увлекался археологией: в 1928 г. участвовал в работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК (раскопки Кобякова и обследование Елизаветовского городища), в 1929 г. в составе той же экспедиции работал под руководством известного археолога и этнографа А. А. Миллера, обследовал курганы в Кабардино-Балкарии. В 1930 г. Мачинский прошел месячную музейную производственную практику в Отделе Древнего Востока Государственного Эрмитажа. В 1930—1931 гг. активно участвовал в антирелигиозной пропаганде: с 15 декабря 1930 г. по 1 июня 1931 г. он — заведующий Антирелигиозным кабинетом при Смольнинском районном доме партактива. В 1931 г. его избирают членом президиума смольнинского райсовета Союза воинствующих безбожников.

В январе 1932 г. А. В. Мачинский закончил институт и получил квалификацию историка Древнего Востока и музееведа. 16 марта 1932 г. он был зачислен научно-техническим сотрудником ГАИМК, с 16 апреля работал в архиве этого института, сначала в должности заведующего, а с 22 февраля 1934 г. — хранителя (старшего научного сотрудника). Однако, как представляется, молодого ученого мало интересовала чисто архивная работа. Более активное участие он принимал в деятельности Института, где выполнял обязанности секретаря кафедры. Мачинский участвует в обсуждении докладов, которые читались в Институте, им было подготовлено исследование, о котором проф. В. В. Струве в декабре 1934 г. дал такой отзыв: «Считаю своим долгом заявить, что работа т. Мачинского „Сельское хозяйство Древнего Египта“, подготавливаемая им к печати по поручению кафедры Древнего Востока и ИИРО (Института истории рабовладельческого общества.— А. Р.) ГАИМК, является добросовестным и обстоятельным решением поставленной им проблемы. В особенности заслуживают внимания и одобрения вдумчивые и осторожные отношения к вопросу об организации сельского хозяйства и попытка вполне самостоятельно определить характер связи непосредственного производителя со средствами производства.

Очень ценные наблюдения в области техники, указывающие нам на момент более интенсивной обработки высоких полей»³.

Большую и активную деятельность он развивает и как секретарь кружка по изучению Древнего Востока при Государственном Эрмитаже; сохраняет интерес и к археологии. С 25 июня по 8 сентября 1934 г. А. В. Мачинский участвует в новостроечной экспедиции на р. Терек и в г. Керчи. Ряд его неопубликованных работ по археологии Северного Кавказа хранится в архиве ИИМК в Санкт-Петербурге.

Разносторонние интересы молодого ученого, по-видимому, не находили полного удовлетворения в ГАИМК. И он принимает решение о переходе в Институт антропологии, археологии и этнографии, где имелась возможность работать по специальности. Речь, очевидно, шла о музееведении. Есть архивные сведения, что в указанном Институте он начал работать до договора с 15 апреля 1934 г. По соглашению с Институтом Мачинский должен был произвести подбор материалов по номенклатуре родства в древней Мексике, составить список племен Мексики и Центральной Америки, учетный перечень всех археологических коллекций и др. С 15 марта 1936 г. он был зачислен в штат Института на должность научного сотрудника 1-го разряда, хоть по приказу был уволен из ГАИМК только с 1 апреля 1936 г.

Переход в Институт антропологии, археологии и этнографии не означал полного разрыва с прежней тематикой: с согласия заведующей отделом Центральной и Южной Америки Н. Г. Шпринцин Мачинский с 1 августа по 30 сентября уезжает в экспедицию ГАИМК и Чеченского научно-исследовательского института для

проведения археологических работ на территории Чечено-Ингушской АО. С 3 июля по 3 сентября 1938 г. его вновь откомандировывают в ГАИМК для участия в Северо-Кавказской экспедиции, а в августе — сентябре 1939 г. Мачинский опять на раскопках в Чечено-Ингушской АССР.

В Институте этнографии им была проведена большая музейная работа с этнографическими и археологическими коллекциями, подготовлен путеводитель по выставке «Древние культуры Мексики и Южной Америки», оставшийся, к сожалению, неопубликованным. По плану он написал статьи об ацтеках и майя, готовил статьи о кечуа и аймара для двухтомника «Этнография народов зарубежных стран», выступал как помощник редактора этого издания Д. А. Ольдерогге. Последний так отзывался о работе А. В. Мачинского: «На этой работе г. Мачинский показал свою осведомленность и знание материала. Помощь его весьма значительна, и только благодаря ей я имел возможность проверить большое число статей, прошедших через редакцию»⁴. Директор Института этнографии акад. В. В. Струве также высоко отзывался о достоинствах А. В. Мачинского как научного сотрудника: «За все это время (работы в Институте в 1936—1939 гг. — А. П.) Алексей Владимирович Мачинский проявил себя аккуратным работником и выполнил ряд научных заданий, свидетельствующих о его большом научном росте»⁵.

В конце 1939 г. в связи с мобилизацией А. В. Мачинского в ряды РККА директора двух академических учреждений — Института этнографии В. В. Струве и Института истории материальной культуры М. И. Артамонов — обратились в Ленинградский горвоенкомат с просьбой об освобождении его от службы, мотивируя его большой нагрузкой как основного исполнителя по Институту этнографии в томе «Этнография народов зарубежных стран», по Институту истории материальной культуры — в т. 1, по Институту истории — в т. 2 «Всемирной истории». В 1939 г. Мачинский начал преподавательскую деятельность в Педагогическом институте им. М. Н. Покровского⁶. Несмотря на ходатайство директоров, военкомат подтвердил свое намерение. В приказе № 87 по Институту этнографии от 10 декабря 1939 г. отмечалось: «Младшему научному сотруднику Отдела Центральной и Южной Америки Алексею Владимировичу Мачинскому, призываемому в ряды РККА, за большую и тщательно проведенную работу по редактированию статей двухтомника „Очерки этнографии зарубежных стран“ объявляю благодарность и представляю его к премированию Президиумом Академии Наук СССР»⁷.

Будучи научным сотрудником АН СССР, А. В. Мачинский проявил себя как незаурядная личность с разносторонними интересами. Некоторое представление об этом может дать список, пусть даже неполный, его опубликованных работ⁸. Он вел себя скромно, достойно, весь отдавался работе, общественной деятельностью не занимался, был исключительно доброжелателен к людям. Вполне вероятно, что его осторожность проистекала из понимания складывавшейся в стране и в Академии трагической ситуации... По более поздним отзывам друзей и коллег, «он уже тогда понимал многое из того, чего мы не понимали и о чем не догадывались».

В армии первый год он служил рядовым, а затем при штабе дивизии был переводчиком и сам готовил переводчиков. После начала войны, говорят, за подбитый в трудном бою танк и проявленную способность к руководству боевыми действиями был произведен в лейтенанты. Очевидцы рассказывали, что однажды небольшая группа красноармейцев под командованием лейтенанта А. В. Мачинского сопровождала железнодорожный эшелон. Во время налета вражеской авиации на объект бойцы залегли по обе стороны насыпи полотна железной дороги и винтовочными выстрелами пытались сбить самолет. Одна из машин противника пролетела на малой высоте, расстреливая пулеметными очередями лежащих на обочине людей. Именно на этой стороне насыпи находился и лейтенант А. В. Мачинский, здесь его и настигла вражеская пуля. Точное место гибели и захоронения семье не известно. По сведениям Дзержинского райвоенкомата Санкт-Петербурга, А. В. Мачинский пропал без вести в декабре 1942 г.

В предвоенные месяцы особенно часто производились призывы военнообязанных для прохождения длительных военных сборов. На один из таких сборов был призван кочегар Института этнографии *Михаил Васильевич Евстратов*, уволенный по этому случаю из штата сотрудников с 9 апреля 1941 г.⁹ Он родился в 1909 г. в деревне Шелканиха Сандовского уезда Тверской губернии. Происходил из крестьянской семьи, образования не получил, жил трудом земледельца. До 1936 г. работал в колхозе, потом перебрался в Ленинград, служил вахтером, грузчиком. В октябре 1937 г. Евстратов был осужден на два года, которые провел на Дальнем Востоке на лесоразработках. С 29 октября 1939 г. он работал кочегаром в Институте этнографии. Сведениями о дальнейшей его жизни я не располагаю.

Уже 23 июня 1941 г. приказом за № 103 были уволены «в связи с мобилизацией в ряды РККА с выплатой 2-х недельного выходного пособия»¹⁰ научно-технический сотрудник И. И. Сазонов, дворник П. Д. Рыжаков, младший научный сотрудник А. А. Савинич и старший научно-технический сотрудник Г. А. Гловацкий.

Иван Ильич Сазонов родился в 1902 г. на Орловщине в крестьянской семье¹¹. Закончил рабфак Уральского строительного института, в ноябре 1926 г. вступил в партию. В 1938—1939 гг. после окончания курсов экскурсоводов Сазонов стал научным работником при Управлении культурно-просветительских предприятий Ленсовета. В сезон 1939—1940 гг. он работал экскурсоводом петергофских дворцов-музеев и парков, начал водить экскурсии в МАЭ по отделам Кунсткамеры и археологии. С 27 августа 1940 г. он — научно-технический сотрудник, с 15 сентября — заместитель заведующего Политпросветотделом МАЭ, одновременно Сазонов выступает как организатор лекций, занятий кружков «Друзей Музея». С 24 июня 1941 г. в связи с реорганизацией Политпросветотдела, согласно приказу, он подлежал освобождению от работы в Институте этнографии АН СССР. Однако ввиду начала войны и призыва его в армию этот приказ был отменен, и Сазонов как научно-технический сотрудник Политпросветотдела ушел на фронт защищать Родину. Дальнейшими сведениями о нем не располагаю.

Петр Данилович Рыжаков родился 14 мая 1912 г. в Санкт-Петербургской губернии в бедной крестьянской семье¹². Ему удалось закончить всего два класса начальной школы. До 1932 г. жил в деревне, потом попробовал поработать в Ленинграде на табачной фабрике им. Урицкого. Показалось непривычным, вернулся в деревню, но и там жилось нелегко. В 1936 г. Рыжаков вернулся в город, устроился подсобным рабочим на завод им. Коминтерна. С 26 сентября 1939 г. он перешел на работу дворником в Институт этнографии. В августе — сентябре 1940 г. Рыжаков прошел 40-дневные военные сборы и оставался дворником вплоть до мобилизации в ряды РККА 23 июня 1941 г. Тогда ему шел 30-й год. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Антон Алексеевич Савинич родился 5 августа 1904 г. в деревне Шиловка Толочинского уезда в белорусской крестьянской семье¹³. Рано занялся общественной деятельностью: с августа 1920 г. по 1927 г. на комсомольской, а с 1927 г. — на партийной работе. В 1927—1928 гг. Савинич служил в армии. После демобилизации пошел на завод рабочим-станочником. В 1929 г. Обком ВКП(б) командировал его на учебу в Ленинградский Восточный институт. После окончания второго курса для практических занятий в японском языке он был командирован в Японию, где прожил около шести лет, получив должность в торгпредстве СССР. Деятельность Савинича оказалась главным образом связанной с организацией экспорта советского леса на японские острова: первоначально он контролер лесного отдела, затем уполномоченный лесного отдела, ответственный исполнитель торгпредства. Кроме того Савинич занимался экспортом в Японию каменного угля, пушнины, драгоценных камней и разных мелких товаров. Последние восемь месяцев перед отъездом на Родину он служил секретарем торгпредства. Как позднее писал сам А. А. Савинич, «всю свою работу в Японии проводил самостоятельно на японском языке, без помощи переводчиков». Он прожил в Токио, Кобе, Осака, Нагоя, а также в Сеуле. На о-в Формоза (Тайвань) Савинич

был командирован с научными работниками Института растениеводства в качестве переводчика с японского языка. Как путешественник он был в Китае, Гонконге, в Маниле (Филиппины). После возвращения в 1937 г. из Японии Савинич с 25 февраля по 28 марта 1938 г. преподавал японский язык в Ленинградском Восточном институте. В январе 1938 г. он был вызван в Комитет партийного контроля при ЦК ВКП(б) за нарушение директив о связи с иноподданными во время работы за границей, но взыскания, тем не менее, не получил. 28 марта 1938 г. по тем же мотивам неожиданно был арестован органами НКВД и находился под стражей по 29 июля 1939 г. Освобожден в связи с прекращением дела. Как находившийся под стражей А. А. Савинич был исключен из партии, поэтому первым шагом его после выхода на свободу явилось обращение в Комитет партийного контроля с просьбой о восстановлении в рядах ВКП(б). Вопрос этот был решен положительно в Москве в конце октября 1939 г.

Надо было устраиваться на работу. К этому времени Восточный институт ликвидировали. И 19 сентября 1938 г. Савинич обратился с просьбой зачислить его в МАЭ по Отделу Дальнего Востока. 28 сентября директор МАЭ Д. А. Ольдерогге наложил положительную резолюцию: «По отзыву проф. Кюнера тов. Савинич является вполне подготовленным для этой работы, т. к. прекрасно знаком с Японией и Китаем». С 25 сентября, согласно приказу директора Института этнографии акад. В. В. Струве, Савинич был зачислен в штат. Судя по сохранившимся отчетам, он работал старательно: с 25 сентября по 24 октября 1939 г. восстановил и привел в порядок существовавшие экспозиции Японии, Кореи, Индокитая (7 шкафов), выполнил ряд других мелких работ; сверх плана им была сделана опись в Отделе археологии. В 1940 г. Савинич — секретарь парторганизации Института, младший научный сотрудник Отдела Дальнего Востока. В 1941 г. ему исполнилось 47 лет, он не был женат, на воинском учете состоял как командир взвода запаса... О дальнейшей судьбе сведениями не располагаю.

Георгий Адамович Гловацкий родился 27 марта 1911 г. в Харбине¹⁴. В 1930—1934 гг. учился в Ленинграде в Институте истории, философии и лингвистики, после окончания которого работал экскурсоводом в МАЭ преимущественно по разделам Китая и Японии. Старейшие сотрудники рассказывали, что он настолько доходчиво и интересно проводил экскурсии, что у него появились свои почитательницы, приходившие в музей по несколько раз в год «послушать Гловацкого». Он участвовал в создании временных выставок, в пополнении этнографических коллекций, например, в Бурятии и Читинской области. В октябре 1940 г. Г. А. Гловацкий был переведен из Политпросветотдела в Отдел Восточной и Южной Азии на музейную работу. После мобилизации в армию 23 июня 1941 г. Балтийско-Флотский экипаж направил его в 175-ю отдельную зенитную батарею Ладожской военной флотилии. В сентябре 1941 г. он получил первое ранение. В июле 1942 г. Гловацкого списали в 55-ю морскую бригаду, в составе которой он участвовал в боях за прорыв блокады Ленинграда. 25 января 1943 г. под Шлиссельбургом его ранило минным осколком в правое плечо, после чего 22 дня он находился на излечении в эвакогоспитале № 102. Оттуда Гловацкий был направлен в батальон выздоравливающих при 1-м Краснознаменном Балтийско-Флотском экипаже. В июле 1943 г. он попал в стрелковый полк 36-й стрелковой дивизии, затем в 593-й полк 131-й Ропшинской дивизии 2-й Ударной армии, в рядах которой участвовал в снятии блокады Ленинграда. 13 февраля Гловацкий получил касательное ранение в грудь, обморожение 3-й степени двух пальцев левой ноги и ожог 2-й степени правой руки, с 17 февраля по 21 марта 1944 г. он находился на лечении в эвакогоспитале № 88. 12 мая того же 1944 г. экипаж направил его в ленинградский район Службы наблюдения и связи, где Гловацкий был радистом до сентября, откуда переведен в кронштадтский район Службы. В мае 1945 г. из Кронштадта он был переведен в Померанию, на базу Свинемюнде, где и находился в качестве радиста вплоть до демобилизации в ноябре 1945 г.

23 сентября 1943 г. Г. А. Гловацкий был награжден медалью «За оборону Ленинграда», а 25 октября 1945 г. медалью «За победу над Германией в Великой

Отечественной войне 1941—1945 гг.»). Даже в самые тяжелые времена блокады города он поддерживал связь с сотрудниками Института, оставшимися в городе и воевавшими на других фронтах. 24 декабря 1945 г. Гловацкий вернулся в родной Институт на должность старшего научно-технического сотрудника Отдела Восточной и Южной Азии.

В послевоенный период во всей полноте развернулась его плодотворная деятельность как одного из ведущих музейных сотрудников МАЭ. Уже в 1946 г. Г. А. Гловацкий создает здесь выставку «Художественные ремесла Китая по коллекциям XIX в.», в 1948 г. — «Китайские коллекции Кунсткамеры» и в мае 1956 г. — самую большую и одну из лучших экспозиций в МАЭ «Культура и быт народов Китая», действующую и поныне. Гловацкий принимал самое деятельное участие в создании постоянных выставок по народам Японии, Кореи, Монголии, Индии, Индонезии, Вьетнама, большого количества временных выставок в Ленинграде, Москве и других городах страны. В отделе им была проведена громадная учетно-хранительская и библиографическая работа. В течение длительного времени он являлся членом Музейного совета МАЭ. В этом качестве Гловацкий оказывал помощь советом и делом сотрудникам всех отделов при создании выставок. Свой богатый опыт музейной работы он щедро передавал молодежи, к нему часто обращались за советом музейные работники Ленинграда и других городов страны. В 1959 г. Г. А. Гловацкий совершил поездку в КНР для проведения обмена этнографическими коллекциями с Музеем Центрального института национальностей в Пекине, изучения постановки музейного дела и ознакомления с основными центрами китайских художественных ремесел.

В 1966—1977 гг. Гловацкий трудился на ответственном посту главного хранителя МАЭ. После выхода в 1977 г. на пенсию он не порывал связей с родным музеем и Институтом, особенно с сотрудниками-ветеранами войны и труда. Георгий Адамович скончался 11 октября 1986 г. в Ленинграде. Г. А. Гловацкий — известный исследователь китайского ремесла, автор около 20 научных работ. При подготовке тома «Народы Восточной Азии» он подбирал иллюстрированный материал, составлял библиографию и т. д.¹⁵

С 26 июня 1941 г. заведующий отделом учета и хранения И. Я. Треногов прервал очередной отпуск, а с 27 июня был уволен в связи с мобилизацией в ряды РККА с выплатой двухнедельного пособия (приказ № 109 от 26 июня 1941 г. по Институту этнографии).

Илья Яковлевич Треногов родился 2 августа 1903 г. в деревне Ревполье Пинежского уезда Архангельской губернии¹⁶. В 1923—1927 гг. он учился на рабфаке, после окончания которого был сразу принят на этнографическое отделение географического факультета ЛГУ. Еще студентом Треногов избрал своей специальностью музееведение. В 1930 г. он проходил практику в Отделе фондов МАЭ, в 1931 г. получил диплом об окончании университета со званием «музейный работник, этнограф» и был принят на службу в МАЭ, с 15 февраля 1933 г. Института этнографии АН СССР. Много занимался общественной работой, в мае 1939 г. вступил в кандидаты в члены ВКП(б), а в декабре 1940 г. — в члены партии, в дальнейшем неоднократно избирался секретарем парторганизации. В сентябре 1939 г. Треногов был мобилизован в армию, служил в Белорусском военном округе, но в августе 1940 г. по ходатайству Института этнографии в связи с нуждами Музея был досрочно демобилизован в звании старшего лейтенанта и с 1 сентября того же года назначен заведующим фондами МАЭ.

С началом Отечественной войны он был призван в ряды РККА, служил в железнодорожных войсках Ленинградского, Волховского, Карельского и Резервного фронтов в качестве командира взвода. После окончания войны с Германией был отправлен на Дальний Восток, воевал на 1-м Дальневосточном фронте. С декабря 1945 г. по июль 1946 г. он служил в Приморском военном округе. В июле 1946 г. подполковник И. Я. Треногов был демобилизован. За время войны он получил ордена Красной Звезды (1944 г.) и «Отечественной войны» (1946) и медали «За оборону Ленинграда» (1943 г.), «За победу над Германией» (1945 г.) и

«За победу над Японией» (1946 г.). Все это — свидетельство его боевого пути. После демобилизации с августа 1946 г. И. Я. Треногов вновь возглавил Отдел фондов МАЭ.

С 1 июля 1961 г. приказом директора Института чл.-корр. АН СССР С. П. Толстова он был назначен Ученым секретарем МАЭ и одновременно ответственным хранителем музейных фондов и руководителем архива. И. Я. Треногов добросовестно относился к своим обязанностям, разработал образцы типовых описей, различные инструкции по учету и хранению музейных коллекций, организовывал хранение фондов МАЭ, провел большую и кропотливую работу по собиранию и классификации материалов по истории Музея и Института, по упорядочиванию архива и т. д. С 1 июля 1966 г. он ушел на пенсию, но продолжал поддерживать самые тесные связи с коллегами, прежде всего с Отделом фондов МАЭ. Последние годы своей жизни Треногов провел в Пушкине в Доме для престарелых ученых. Умер в декабре 1988 г., похоронен на Северном кладбище.

Сергей Николаевич Стебницкий в первые дни войны пришел в военкомат и добился своего зачисления в ряды народных добровольцев¹⁷.

Он родился 19 февраля 1906 г. в Петербурге в дворянской семье. В сентябре 1921 г. он поступил на филологический факультет Петроградского университета, в дальнейшем преобразованный в факультет общественных наук. Здесь на общественно-педагогическом отделении преподавал проф. В. Г. Богораз, который высоко оценил талант своего студента, предложив ему в 1923 г. статью его личному секретарем. Общение с выдающимся сибиреведом много дало становлению Стебницкого как ученого. В университете придавалось большое значение приобретению навыков полевой этнографической работы. Так, в 1923 г. С. Н. Стебницкий побывал в экспедиции в Валдайском уезде Новгородской губернии, во время которой вместе с М. М. Никифоровым собирал частушки, а по итогам написал статью «Имба-читальня». В июле 1925 г. он закончил университет по специальности этнография и лингвистика (народности палеоазиатской группы).

С сентября 1925 г. по июль 1927 г. Стебницкий — ассистент этнографического отделения географического факультета ЛГУ, вел преподавательскую работу. В 1927 г. вышел в свет «Букварь для северных народностей», подготовленный В. Г. Богоразом и С. Н. Стебницким. Букварь начинался обращением «К учителю», в котором, в частности, говорилось: «При составлении букваря были поставлены следующие задачи: 1. Дать ученику материал из северной жизни, знакомой и привычной ему с раннего детства. 2. Научить его при помощи этого материала читать и писать. 3. Научить его русскому языку». С сентября 1927 г. по сентябрь 1928 г. С. Н. Стебницкий находился в командировке по линии Комитета содействия народностям Севера при ЦИК СССР и МАЭ на Камчатке, на восточном берегу р. Кичига, в корякских селах Апука и Кичига. В указанных селах он работал завучем в школе, одновременно изучал диалекты языка, фольклор, быт оседлых и кочевых коряков-оленеводов. После возвращения в Ленинград Стебницкий с октября 1928 г. по октябрь 1932 г. ассистент Историко-лингвистического института, но основной работой его в этот период было преподавание корякского языка в Институте народов Севера.

О собранном на Камчатке богатом и разнообразном корякском фольклоре, о быте корякских детей он доложил на заседании секции детского фольклора РГО (в издании Общества потом вышла в свет даже корякская народная сказка «Мышата»). Активно проявлял себя Стебницкий и как детский писатель, публикуя в 1923—1931 гг. одну за другой такие книги, как «Эгги-охотник», «Летучий нинвит», «Непеуге-делегат», «Пурга», «Школа на тундре». Его произведения пользовались популярностью: они публиковались на страницах известных детских журналов «Чиж» и «Еж» и выходили отдельными изданиями. Можно предполагать, что его деятельность в изучении этнографии корякских детей развивалась и под влиянием известной исследовательницы детского фольклора О. И. Капицы — его близкой родственницы.

С января 1930 г. С. Н. Стебницкий по совместительству начал работать в

Педагогическом институте им. Герцена, сначала в должности ассистента, а с 1934 г. — доцента. В октябре 1932 г. он вновь командирован на Камчатку, где работает заместителем председателя Комитета нового алфавита при Корякском национальном округе и преподавателем корякского языка в окружной совпартшколе. Еще в Ленинграде при участии студентов-коряков под руководством С. Н. Стебницкого началась работа по подготовке учебников на корякском языке, в частности были изданы букварь «Красная грамота», задачки, опубликованы первые переводы с русского художественной, общественно-политической и другой популярной литературы. На Камчатке он руководил практическим внедрением новой письменности. В 1933 г. слушатели совпартшколы выпустили два номера журнала «К новой жизни». Велика роль С. Н. Стебницкого и в подготовке кадров корякской интеллигенции, в формировании корякской литературы. Первые корякские писатели К. Кецай, И. Баранников, Л. Жуков — его ученики. В мае 1934 г. он выезжает, выполнив свою миссию, в Ленинград, продолжает трудиться в Институте народов Севера, в пединституте, в Институте истории, философии и лингвистики.

С начала 1937 г. Стебницкий как специалист по чукотскому, корякскому и ительменскому языкам работает также в Ленинградском отделении Центрального института языка и письменности народов СССР, но в ноябре уходит из него в связи с загруженностью на основной работе в ИНС, где состоял действительным членом лингвистической секции научно-исследовательской ассоциации. В 1937 г. после защиты диссертации ему была присуждена ученая степень кандидата филологических наук. Им подготовлен ряд исследований по фольклору и этнографии коряков. Некоторые из них, например, «Очерки этнографии коряков» (свыше 10 а. л.) хранятся в архиве МАЭ. Им переведена и подготовлена к печати работа известного сибиреведа В. И. Иохельсона «Коряки». С. Н. Стебницкий тесно сотрудничал с Кабинетом и Отделом Сибири Института этнографии, для которого совместно с Н. Б. Шнакенбургом подготовил статью «Коряки» для четырехтомника «Народы СССР»¹⁸. В Отделе Сибири он выступал с научными докладами. Отдавая дань уважения памяти своего учителя В. Г. Богораза, С. Н. Стебницкий вместе со своей супругой Марией Львовной готовил к изданию его книгу «Материальная культура чукчей». Хотя работу успел просмотреть сам автор, издать ее до войны не удалось. Она увидела свет в серии «Этнографическая библиотека» только в 1991 г.¹⁹

В одном из первых своих боев под Ленинградом С. Н. Стебницкий был тяжело ранен и отправлен в госпиталь в Свердловск, где находился на излечении с 1 сентября по 6 октября 1941 г. Из госпиталя его направили в 23-й запасный стрелковый полк, находившийся тогда в Ижевске²⁰. Поправившись, он вновь отправляется на фронт под Волховым. Будучи тяжело раненым в голову, он вновь попадает в один из ленинградских госпиталей. Обстоятельства и дата кончины Стебницкого не известны.

Научное наследие исследователя составляют учебники на корякском языке, записанные им произведения корякского фольклора, материалы по диалектам корякского языка, исследования по языку, фольклору и этнографии коряков. Стебницкий выступал как автор, редактор, составитель, переводчик. Высоко оценивается и его вклад в детскую литературу. «Если Борис Степанович Житков создал в советской детской литературе жанр „географический“, рассказав детям о множестве дальних стран и морей, Виталий Валентинович Бианки раскрыл перед ребятишками родную природу не только как художник, но и как натуралист, — писал Л. Капица, — то Сергей Николаевич Стебницкий ввел в советскую детскую литературу совсем особый жанр — „этнографический“. Его книги рассказывают о повседневном быте, занятиях, поверьях народа, об его обычаях с такой достоверностью, точностью и яркостью, что юный читатель невольно становится причастным к жизни далекого неведомого для него доселе народа»²¹.

Добровольцем в первые дни войны ушел на фронт сотрудник Института *Игорь Михайлович Лекомцев*²². Он родился 25 августа 1912 г. в селе Люк Болезинской

волости Глазовского уезда Вятской губернии в удмуртской семье. После окончания школы в 1930 г. Лекомцев был направлен комсомольской организацией на учебу в ленинградский Институт истории, философии и лингвистики, этнографическое отделение которого он закончил в 1933 г. по специальности «этнография народов СССР». Уже на первом курсе он часто посещал МАЭ, в 1930 г. в Отделе Южной Америки Музея проходил практику. Во время летних каникул в 1932 г. по собственным полевым материалам Лекомцев составил карту расселения удмуртского рода, что свидетельствовало о его глубоком интересе к этнографии. С 1 сентября по 31 декабря 1933 г. он по договору работал в Отделе фондов, но в дальнейшем увлекся этнографией Индонезии — выполнял большую работу по теме «Рис в религиозных обрядах тораджей на Целебесе», в частности, им была написана статья «Религиозные представления, связанные с обработкой риса у племени тораджей на Целебесе». Лекомцев консультируется у Л. Э. Каруновской и В. А. Чатопадайя, под руководством которого работает над диссертацией «Социально-экономический строй племени тораджей на Целебесе», изучает немецкий, голландский и малайский языки, посещает у А. А. Бусыгина методологический семинар, публикует первые статьи, занимается научно-организационной работой. С 1 ноября 1935 г. он исполнял обязанности секретаря Этнографической секции Института.

В связи с поступлением И. М. Лекомцева в аспирантуру заведующий Кабинетом Индии, Индонезии и Дальнего Востока В. А. Чатопадайя писал в августе 1935 г.: «Он очень интересуется научной работой, главное же политически и методологически он является более развитым, чем некоторые старшие научные работники Института. Я твердо убежден, что из него выйдет серьезный научный работник, и я считаю нужным дать ему возможность для систематического пополнения знаний. Поэтому я горячо рекомендую его для принятия в аспирантуру». 15 октября 1935 г. он был зачислен аспирантом АН СССР, но уже с 1 июля 1936 г. отчислен из нее в виду ликвидации вузовской аспирантуры. С 1 сентября 1936 г. Лекомцев зачислен на должность научного работника Института антропологии и этнографии АН СССР. Он продолжал свои занятия индонезийской этнографией: писал диссертацию, регистрировал музейные коллекции. После ареста его научного руководителя Лекомцев перестал заниматься зарубежной этнографией, но продолжал изучать культуру и быт удмуртов, чем занимался в предыдущие годы. Им была написана статья «Удмурты» для справочника «Народы СССР». С 1938 г. он научный сотрудник Кабинета Европы и Кавказа, ответственный секретарь однотомника «Этнография народов СССР». С 4 августа 1939 г. Лекомцев становится аспирантом очной аспирантуры: под руководством чл.-корр. АН СССР проф. Д. К. Зеленина он заканчивает диссертацию на тему «Колонизация и миссионерская деятельность среди удмуртов». Наряду с целенаправленной успешной работой в науке²³ он много занимается общественной и организационной работой: он комсорг Института, активный член ВКП(б) с апреля 1938 г., инспектор Ленинградского отделения Управления подготовки научных кадров АН СССР, слушатель Высшей партийной школы при ЦК партии, а в предвоенный период заведующий отделом агитации и пропаганды Приморского РК ВКП(б) Ленинграда. Из райкома в первые же дни войны Лекомцев добровольцем ушел на фронт, хотя и был «белобилетником». 25 октября 1941 г. в боях в районе Голубой дачи недалеко от Всеволожска под Ленинградом он погиб. Хотя в последние годы И. М. Лекомцев работал в других учреждениях, он сохранял тесные научные связи с родным Институтом, поэтому его имя по праву значится на Доске памяти, которая висит в МАЭ.

Из города Куйбышева в ряды Красной Армии пошел еще один бывший сотрудник Института *Нестор Константинович Каргер*²⁴. Он родился 9 ноября 1904 г. в селе Ровное Ново-Узенского уезда в Нижнем Поволжье. После окончания факультета общественных наук ЛГУ в 1927 г. Каргер был оставлен при факультете в качестве ассистента этнографического отделения и одновременно преподавал национальные языки на северном факультете Ленинградского Восточного

института. В 1926 и 1927 гг. выезжал в экспедиции на Дальний Восток, работал у гольдов и ульчей, первые его научные работы были посвящены этнографии гольдов. В 1931 г. он направился на Енисей к кетам. Теперь его исследовательские интересы связаны с изучением этой загадочной северной народности. В результате Каргером были собраны и переданы в МАЭ три ценные этнографические коллекции по указанным народам (около 750 предметов) и две иллюстративные коллекции (свыше 400 негативов и отпечатков). В начале 1932 г. по распределению он попадает в МАЭ и работает в должности научного сотрудника 2-го разряда. 31 января 1932 г. Комитет Севера на основе решения 1-й Всесоюзной конференции по развитию языков и письменностей народов Севера направляет в Институт следующую просьбу: Н. К. Каргер являлся ученым секретарем научно-исследовательской ассоциации, «на которую помимо других задач возложена организация всех работ по изучению языков и подготовке рукописей по специальному плану изданий для народов Севера», поэтому Комитет предлагает МАЭ освободить Каргера от занимаемой должности и принять меры к его немедленному переводу в Институт народов Севера. На новом месте ему поручается подготовка кетского букваря, он активно работает по совершенствованию кетской письменности. В 1934 г. им был издан букварь на кетском языке с применением латинской графики, опубликовано обстоятельное исследование о языке кетов²⁵. Н. К. Каргер был привлечен также к разработке селькупской письменности и подготовке учебников на ней.

Но плодотворная научная и научно-организационная деятельность ученого внезапно была приостановлена: 8 марта 1935 г. к нему пришли с арестом по политическим мотивам. Постановлением особого совещания при НКВД от 9 марта 1935 г. Н. К. Каргер как бывший дворянин и социально-опасный элемент был выслан из Ленинграда с запрещением проживать в 15 пунктах страны²⁶. 15 августа 1935 г. указанное постановление было изменено, и Н. К. Каргеру было запрещено проживать только в Ленинграде в течение трех лет. Он по своему выбору поехал жить сначала в Омск, затем в Тюмень. Через некоторое время Каргер отправляется работать в системе Главсевморпути в Ямальский округ. Он был определен на службу в качестве краеведа Ямальской культбазы в поселке Ярсале Ямало-Ненецкого национального округа. Ему поручалось изучение неуставных отношений объединений по оленеводству и охотничьему промыслу, проведение бюджетного обследования четырех кулацких, шести середняцких и пяти бедняцких хозяйств, изучение остатков родового строя (родовые угодья, имущественные и семейные отношения, все формы разделения труда и т. д.). В связи с окончанием сроков договоров Н. К. Каргер был освобожден от работы на базе с 15 июля 1937 г. Очевидно, еще до этого пред ним встал вопрос о выборе места жительства.

Тяжелым ударом по его планам, безусловно, было решение Особого совещания от 26 апреля 1937 г., запрещавшее ему в течение трех лет и проживание в Москве. Итак, центры отечественного сибиреведения Ленинграда и Москвы оказались для него закрыты. Шел 1937 г. Можно предположить, что, подорвав здоровье на Севере (он тяжело переболел цингой), Каргер решил поехать на родину, на Волгу, к родным в Куйбышев. Именно здесь его застала война. Отсюда Фрунзенским райвоенкоматом он был призван в ряды Красной Армии. После окончания курсов младших лейтенантов и перенесенной дизентерии и алиментарной дистрофии в октябре 1942 г. он попал в эвакогоспиталь № 3087, из которого 2 февраля 1943 г. выбыл в отпуск на 30 дней. Сведениями о дальнейшей судьбе Н. К. Каргера я не располагаю. Среди коллег-сибиреведов бытует мнение, что он погиб в боях на Курской дуге, но документальных подтверждений тому пока нет.

После моих настойчивых попыток что-то узнать о судьбе Н. К. Каргера в 1935—1937 гг. его дело было направлено в прокуратуру для решения вопроса о его реабилитации. Решением прокуратуры Ленинграда от 11 октября 1991 г. Н. К. Каргер был реабилитирован.

В начале июля 1941 г. многие научные работники стали подавать заявления о добровольном вступлении в ряды Красной Армии. В архиве Музея Санкт-Петербур-

бургского университета мне удалось познакомиться с документом, редко встречающимся в академических архивах. Думаю, что для понимания атмосферы патриотического порыва и осознания необходимости личного вклада в достижение скорой победы важно познакомиться с ним, а потому позволю себе привести его полностью:

«Декану Истфака ЛГУ

копия Директору ИИМК им. Марра Академии Наук СССР

Ушли добровольцами в Красную Армию мои два сына Олег и Лев — только что окончившие ЛГУ. Ушел добровольцем также и муж моей дочери, студентки ЛГУ Ольги, также только что окончившей ЛГУ. От этих моих детей остались внук и внучка, о которых, надеюсь, позаботится наше государство. Только что возвратившись из командировки, прошу и меня зачислить добровольцем в Красную Армию.

Мои военные данные. Родился в 1894 г. В мае 1916 г. как студент был мобилизован в Армию и находился в Михайловском артиллерийском училище, каковое окончил в декабре 1916 г. Был выпущен в чине прапорщика артиллерии. С декабря 1916 г. по сентябрь 1917 г. сражался на германском фронте Молодечно — Медель... Последняя должность — старший офицер батареи, последний чин — поручик. С августа 1918 года по декабрь 1920 г. находился в рядах Красной Армии. Сражался на Карело-Финском фронте в марте-апреле 1919 г., на фронте против Юденича по обороне Петрограда в октябре-ноябре 1919 г., с мая 1920 г. стоял с батареей на фронте против Финляндии. Должность в Красной Армии — командир батареи, командир арт. дивизиона. В декабре 1920 г. был уволен из Красной Армии по болезни со снятием с учета военнообязанного.

Все сказанное могу подтвердить документом. В декабре 1940 г. был переосвидетельствован и призван ограниченно-годным (на нестроевую службу). Думаю, что могу быть еще полезным артиллерии Красной Армии.

Профессор истфака ЛГУ, доктор исторических наук Вл. Равдоникас.

Ул. Халтурина, 11, кв. 96»²⁷.

*Владислав Иосифович Равдоникас*²⁸ родился 10 декабря 1894 г. в г. Тихвине. После революции он активный деятель Коллегии по охране и использованию культурно-образовательных имуществ, с июня 1919 г. — директор уездного краеведческого музея, организует краеведческую работу. В 1918 г. он поступил в Петроградский университет, в 1923 г. закончил факультет общественных наук по новой тогда специализации — археологии под руководством известного археолога А. А. Спицына. Равдоникас увлекся научной работой. Поэтому когда ему в 1922 г. рекомендовали переехать в Череповец и сосредоточиться на партийной печати (этим Равдоникас попутно занимался в Тихвине), он не только не принял этой рекомендации, но в целях обретения свободы действий в конце концов решил выйти из партии. Молодой ученый увлеченно работал как археолог, этнограф, краевед, музеевед; круг его научных интересов уже тогда был довольно широк. У него рано проявился интерес к изучению родного края. Уже в 1925 г. Равдоникас занимался раскопками курганов в южной части Тихвинского уезда, участвовал в работе Тихвинского отделения Новгородского общества любителей древностей, собирал историко-этнографические материалы о вепсах, живших в северных районах уезда. По его инициативе и при его участии было выпущено 10 брошюр по природе, истории и хозяйству Тихвинского края. «Как сделавшего ценный и многосторонний вклад в дело изучения Тихвинского края своей неустанной работой и печатными трудами» местные краеведы в 1928 г. избрали В. И. Равдоникаса своим почетным членом.

Значительное место в его деятельности занимала в тот период педагогическая практика: с 1921 г. он преподавал педагогику, социологию, методику общественного являлся. Затем последовали работа в Гдове и наконец переезд в 1928 г. в Ленинград. Здесь в полной мере проявились научные и организаторские способности В. И. Равдоникаса. Его учитель А. А. Спицын еще в 1927 г. предсказывал

большое будущее своему ученику: «Русская археология в лице В. И. Равдоникаса будет иметь со временем весьма полезного деятеля». В 1928—1929 гг. он принимал активное участие в работе МАЭ. Директор МАЭ акад. Е. Ф. Карский и секретарь Д. А. Ольдерогге от имени МАЭ рекомендовали В. И. Равдоникаса в аспирантуру Академии наук СССР, в которой он обучался в 1929—1931 гг.

Поступив после окончания аспирантуры в ГАИМК, он становится одним из ведущих его научных сотрудников. С 1931 г. Равдоникас профессор ЛГУ. С 1934 г. он штатный научный сотрудник Археологического отдела МАЭ. Уникальные материалы Оленеостровского могильника, раскопанного в 1936—1938 гг., были украшением именно этого музея. Археологические коллекции, добытые В. И. Равдоникасом в различных экспедициях, довольно точно характеризуют основные этапы полевой и научной деятельности ученого. Будучи сотрудником Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР, он стал одним из создателей журнала «Советская археология». Его статьи печатались как в этом журнале, так и в изданиях ГАИМК — ИИМК. В 30-е годы В. И. Равдоникас — один из наиболее политизированных археологов, убежденно борющихся за утверждение марксистской идеологии в археологической науке, против принципов буржуазной археологии. Им был опубликован ряд трудов, не потерявших своего значения и в наше время²⁹. Велик вклад В. И. Равдоникаса в постановку и развитие археологического образования, подготовку молодых кадров. На основе лекционного курса он написал ценный учебник по истории первобытного общества.

После начала войны В. И. Равдоникас предпринял попытку вступить добровольцем в армию, но был оставлен на работе в университете, с которым в 1942—1944 гг. находился в эвакуации в Саратове. В 1942 г. Владислав Иосифович потерял на войне сына Льва. Вернувшись в Ленинград, он успешно продолжал научную, экспедиционную и педагогическую деятельность. В конце 40-х годов ученый был подвергнут критике, во многом несправедливой, болезненно пережил ее и в конце концов отошел ото всех дел. И это несмотря на то, что в 1946 г. он избирается членом-корреспондентом АН СССР и членом Норвежской Академии Наук, ему тогда было чуть больше 50 лет. В. И. Равдоникас замкнулся и общался с очень узким кругом лиц. Умер он 28 ноября 1976 г. в Ленинграде и похоронен на кладбище в Комарово. Некрологов в ведущих журналах по его специальности, т. е. в «Советской археологии» и «Советской этнографии» не появилось. 19—21 декабря 1994 г. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербургский Государственный университет, Институт истории материальной культуры РАН, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН, Тихвинский историко-мемориальный и архитектурно-художественный музей, областной музейный центр провели в Санкт-Петербурге международную конференцию, посвященную 100-летию со дня рождения профессора Владислава Иосифовича Равдоникаса, воздав должное его памяти³⁰.

4 июля 1941 г. в Институте был обнародован приказ за № 109: «§ 1. В связи с уходом старшего научного сотрудника Н. П. Никульшина добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-х недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г. и компенсацию за неиспользованный отпуск. § 2. В связи с уходом старшего научного сотрудника Г. Д. Вербова добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-х недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г. § 3. В связи с уходом аспиранта Н. Б. Шнакенбурга добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-х недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г. § 4. В связи с уходом младшего научного сотрудника Д. Н. Лева добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-х недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г. § 5. В связи с уходом помощника директора по административно-хозяйственной части Ф. Б. Шапиро добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-х недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г. § 6. В связи с уходом заведующего отделом Сибири Г. Н. Прокофьева добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-х недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г. § 7. В связи с уходом младшего научного

сотрудника А. Н. Нечаева добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-х недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г.»³¹.

Следует обратить внимание, что в приказе ничего не говорилось об отчислении этих сотрудников из штата Института. Словно речь шла об отъезде в командировку с выплатой аванса...

Николай Петрович Никульшин родился в феврале 1908 г. в селе Моховое Рязанской губернии в русской крестьянской семье³². В 1925—1926 гг. он, вступив в комсомол, занимался ликвидацией неграмотности в Рязанской области. С 1 сентября 1927 г. по 30 декабря 1930 г. учился на этнографическом отделении 1-го МГУ, получил специальность этнографа-антирелигиозника. С 9 января 1931 г. по 28 сентября 1934 г. Никульшин работает среди эвенков, заведует краеведческим пунктом в поселке Тура Эвенкийского национального округа Красноярского края, активно участвует в общественной жизни округа, проводя генеральную линию партии. В 1932 г. он стал кандидатом в члены ВКП(б), но окружком даже не рассматривал вопрос о его приеме в партию как служащего (по мотивам регулирования социального состава партийных рядов). Никульшин продолжает заниматься наукой. Постоянно общаясь с эвенками, он изучил эвенкийский язык и самостоятельно овладевал немецким. Кочуя по необозримым просторам Эвенкии, исследователь собрал там значительный этнографический материал. В ноябре 1934 г. он поступил в аспирантуру Института народов Севера. 15 мая 1938 г. состоялась защита им кандидатской диссертации на тему «Первобытные производственные объединения и их роль в социалистическом строительстве у эвенков».

С 24 июля 1938 г. Н. П. Никульшин — младший, а после утверждения в ВАК с 1 марта 1939 г. — старший научный сотрудник Института этнографии. Здесь его вскоре назначают редактором и заместителем председателя бюро однотомника «Этнография народов СССР», для которого Никульшин написал статью «Эвенки», «Эвены», «Негидальцы». Для сибирского тома серийного издания «Народы СССР» он совместно с аспирантом Института А. П. Козловским подготовил статью «Эвенки». Н. П. Никульшин задумал создать монографию «Эвенки» и с этой целью в 1940 г. предпринял полугодовую поездку к разным группам эвенков. Однако его экспедиция была прервана. Директор Института В. В. Струве сообщал телеграммой, что в связи с рабочей необходимостью Никульшину следует вернуться в Институт. Работа исследователя была высоко оценена заведующим отделом Сибири Г. Н. Прокофьевым. Несколько лет Н. П. Никульшин состоял секретарем Кабинета Сибири, а в феврале 1941 г. был назначен заместителем заведующего Отделом Сибири. В 1940 г. он кандидат в члены ВКП(б), много занимается общественной и научно-организационной деятельностью (очевидно, поэтому список опубликованных им работ невелик)³³.

Через месяц после начала Великой Отечественной войны под Ленинградом возводил вместе с тысячами других жителей города оборонительные сооружения. С 14 августа 1941 г. его отчислили из штата сотрудников Института в связи с мобилизацией в ряды РККА, а 23 декабря 1941 г. появился приказ № 234: «Дирекция Института этнографии с глубоким прискорбием извещает о том, что бывший старший научный сотрудник Отдела Сибири кандидат исторических наук Никульшин Николай Петрович в бою за социалистическую родину погиб 18 ноября 1941 года». Похоронен Н. П. Никульшин в деревне Рамены Волховского района Ленинградской области.

Григорий Давыдович Вербов родился 29 мая (11 июня) 1909 г. в г. Москве³⁴. Еще будучи учеником Тенишевского училища на Моховой в Петрограде, он увлекся Севером и занимался в кружке естественных наук. В 1925 г. во время каникул он устроился в Архангельске матросом на пароход «Русакон» и совершил поездку на Новую Землю, где заканчивал зимовку его отец. Романтическая увлеченность красотами Севера привела молодого человека в Институт народов Севера, но желание изучать этнографию заставило его перейти на этнографическое отделение Ленинградского института истории, философии и лингвистики.

Здесь он обрел учителя в лице увлеченного изучением исторических судеб самодийских народов Г. Н. Прокофьева. Выбор сделан — он будет специализироваться в области самоедологии. Летом 1926 г. Вербов занимался отграничением зоны затопления Волховского гидростроительства. Зимой 1930—1931 гг. по направлению Комитета Севера он стал заведующим 10-м Большеземельным красным чумом.

В июне 1931 г. Г. Д. Вербов закончил Институт, получив специальность этнографа и лингвиста по музееведению и краеведческой работе. С февраля он преподавал самоедский язык в ИНС, однако вскоре после окончания учебы уехал в Нарьян-Мар, где в течение 1931/1932 учебного года работал заведующим учебной частью Ненецкого комплексного техникума и преподавал ненецкий язык и экономическую географию. В марте-мае 1932 г. Вербов принимал участие в ликвидации неграмотности среди жителей тундры, преподавал ненецкий язык и письменность. С 21 июля 1932 г. он преподаватель Института народов Севера и одновременно редактор ленинградского отделения Учпедгиза по финно-угорским и самоедским языкам. В феврале 1934 г. в связи с учебой в аспирантуре и преподаванием ненецкого языка в Ленинградском Государственном педагогическом институте им. Герцена (1 сентября 1933 г.— 1 сентября 1935 г.) Вербов прекратил свои редакторские занятия. В аспирантуре (1 октября 1932 г.— 1 декабря 1935 г.) под руководством Г. Н. Прокофьева он изучал особенности диалекта лесных ненцев пянхасово, интересовался особенностями этнической истории, быта и культуры этой группы. Вербов установил близость этого диалекта с языками энцев и нагасанов и наличие в нем сильного влияния языка хантов (последнее объяснялось регулярными смешанными браками членов четырех родов пянхасово — Айнаседа, Иуши, Вэлла и Пяк — с хантами). Он обнаружил также связи диалекта лесных ненцев с языком камасинцев, живших прежде на Саянском нагорье, что дало ему возможность установить глубинные этногенетические связи. Проф. В. Г. Богораз-Тан, ценивший работы молодого ученого, рекомендовал его к принятию в Союз научных работников. 11 декабря 1935 г. квалификационная комиссия Комитета по заведыванию учебными учреждениями ЦИК СССР утвердила Г. Д. Вербова в ученой степени кандидата лингвистических наук по специальности «самоедские языки» и в ученом звании старшего научного сотрудника.

В первой половине 30-х годов Г. Д. Вербов перевел с русского на ненецкий учебник арифметики для второго класса, совместно со студентом-ненцем Николаем Собриным — свою брошюру «Красный чум» и книжку для детей Е. Чарушина «Звери жарких стран», вместе с Г. Н. Прокофьевым отредактировал перевод книги Я. Кошелева «Что такое оленеводческий совхоз». По решению вышестоящих органов Г. Д. Вербов 20 декабря 1935 г. был послан на Север, где работал по 10 ноября 1938 г. ученым секретарем Комитета нового алфавита Ямало-Ненецкого округа Омской области. Помимо практической деятельности он занимался ненецко-русским словарем, сборником ненецкого фольклора, материалов по языку и этнографии ненцев. За свою образованность получил у ненцев прозвище «Паднана луца», что означает «Самый знающий русский», «Пишущий (бумажный) русский». С марта 1938 г. Г. Д. Вербов начинает работать в Институте этнографии АН СССР сначала временным сотрудником и по договору, а с 1 апреля 1939 г. — старшим научным сотрудником. 24 октября 1940 г. он назначен заведующим Отделом Сибири, а с 17 февраля 1941 г., в связи с введением новой структуры Института, — заместителем заведующего Отделом Сибири. ВГО избрало Вербова своим действительным членом. В Институт его рекомендовал Г. Н. Прокофьев, высоко отзывавшийся о заслугах и научном потенциале своего бывшего ученика. Основной нагрузкой нового сотрудника была подготовка статьи «Ненцы» для тома «Народы Сибири» четырехтомного издания «Народы СССР». Им была предложена новая этимология названия древней Мангазеи (от слова «монкаси йа», что на энецком языке означает «Земля племени монкаси»). Вербов готовил к изданию труд Василия Зуева, который вышел в свет уже после войны.

Также после войны были опубликованы детские ненецкие загадки, корректуру которых еще до войны подготовил Вербов³⁵. Неизданные работы исследователя как самостоятельный фонд хранятся в архиве МАЭ³⁶.

С фронта Г. Д. Вербов писал письма, в том числе своей ученице Л. В. Васильевой (Хомич). Вот две выдержки из них: «Иногда так размечтаешься, что кажется, словно холод, забирающийся за ворот, ползет от основания шестов чума, из „ханэо“, кажется, что сейчас послышится привычный стук, который производят олени, ударяя рогами о рога, когда подерутся, бродя ночью возле чума в поисках деликатесов. Стук раздастся, но он громче и суше — разорвался очередной немецкий снаряд». «Как бы мне хотелось дожить до того времени, когда я смогу претендовать на участие в давно задуманном мною и проектируемом сейчас деле». На кончину своего учителя Г. Н. Прокофьева он откликнулся так: «Осиротела наша отрасль науки. Много нужно работать, чтобы восполнить образовавшуюся брешь».

24 декабря 1941 г. старшина Г. Д. Вербов — старший научный сотрудник Отдела Сибири — передал директору Института этнографии заявление следующего содержания: «Не имея возможности обратиться к Вам лично, я настоящим прошу Вас о нижеследующем. Находясь на фронте, я не могу оказать никакой непосредственной помощи моим родителям, испытывающим крайние трудности вследствие отсутствия топлива для обогрева комнаты и приготовления горячей пищи. Поиски топлива для них крайне затруднительны (матери 70 лет, отцу 61 год). Прошу оказать возможное содействие моему отцу Давыду Федоровичу Вербову в получении хотя бы небольшого количества дров, досок, ящиков или каких-нибудь других материалов, пригодных для отопления»³⁷. Родители Г. Д. Вербова погибли в блокадном городе. Приехав однажды в Ленинград, он пришел к сестре с драгоценным подарком — вязанкой дров. На фронте Г. Д. Вербов стал кандидатом в члены ВКП(б). 22 июня 1942 г. Институт обратился в Отдел комплектования Штаба Ленинградского фронта с ходатайством о демобилизации Г. Д. Вербова как уникального специалиста, но получил отказ³⁸. Да и само ходатайство запоздало: к тому времени Григорий Давыдович уже был похоронен в братской могиле на станции Понтонная Ленинградской области. 4 июля 1942 г. его сестра О. Д. Шелингер прислала из Свердловска в Институт письмо: «Глубокоуважаемый г. директор! Не знаю, известно ли Вам, а потому извещаю, что брат мой и Ваш быв. ст. научный сотрудник Вербов Григорий Давыдович, находящийся с начала войны в рядах РККА в качестве добровольца, был ранен и умер от ран. О чем я получил офиц. извещение из части, где он служил (ппс 506 521-я отд. рота связи) от 12.VI с. г.

В честь светлой памяти моего брата, отдавшего свою жизнь за родину, а прежде отдававшего все силы и знания на пользу советской науки, прошу Вас взять все имеющиеся в его квартире книги и экспонаты, представляющие научную ценность и передать их ин-ту этнографии Ак. Наук. Ключи от комнаты брата находятся у писателя Груздева³⁹, прожив. по кан. Грибоедова д. 9 кв. 13 тел. А 102-80; я очень прошу Вас, свяжитесь с т. Груздевым Ильей Александр. или его супругой, у которых имеется доверенность на распоряжение имуществом Г. Д. С ним уже договоритесь о ликвидации его имущества. Буду оч. благодарна, если поможете т. Груздеву всем, чем можете.

Домашний адрес Григория Давыдовича ул. Пестеля д. 7 кв. 7; в своем письме к Груздеву пишу ему, что все ценные для науки и др. предметы, принадлежавшие Г. Д., прошу передать ин-ту этнографии Академии Наук.

С приветом О. Шелингер.

Р. С. Очень прошу сообщить мне о результатах переговоров с т. Груздевым и что Вами будет предпринято»⁴⁰.

По данным Василеостровского райвоенкомата Петербурга красноармеец Г. Д. Вербов погиб 6 июня 1942 г.⁴¹.

- ¹ Цит. по: Изв. ВГО. Т. 75. Вып. 6. М., 1943. С. 5.
- ² О А. В. Мачинском см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 144, 406; Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. Д. 424; Оп. 5. Д. 209; Страницы отечественного кавказоведения. М., 1992. С. 27; *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии. 1700—1917 гг. СПб., 1992. С. 426; Запись беседы с сыном А. В. Мачинского Д. А. Мачинским от 3 сентября 1993 г. хранится в архиве автора.
- ³ Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. Д. 424. Л. 20.
- ⁴ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 207. Л. 78.
- ⁵ Там же. Л. 57.
- ⁶ Там же. Л. 79, 81.
- ⁷ Там же. Л. 84.
- ⁸ *Мачинский А. В.* Переписка Ж. Ф. Шампольона с А. Н. Олениным // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 4. С. 72—89; *его же.* Новейшая литература по археологии Мексики и Гватемалы // Сов. этнография. 1934. № 3. С. 114—118; *его же.* A propos de la gamme musicale égyptienne // Сб. кружка по изучению древнего Востока при Государственном Эрмитаже. Л., 1935. № 2 (9). С. 11—25; *его же.* Две заметки о технике древне-египетского земледелия // Архив истории науки и техники. М.; Л., 1935. Т. VI. Сер. 1. С. 279—285; *его же.* Несколькo новых книг по археологии и истории Центральной Америки // Сов. археология. 1936. № 1. С. 291—302; *его же.* Новая литература по этнографии Центральной Америки // Сов. этнография. 1936. № 6. С. 145—152; *его же.* Marshal H. Saville (1868—1935). Некролог // Сов. археология. 1937. № 3. С. 229—233; *его же.* Древние мексиканские пирамиды // Наука и техника. Л., 1938. № 11. С. 12; *его же.* Древнее Перу // БСЭ. Т. 45. 1940. Стлб. 212—215; *его же.* Две новых псевдопалеолитических находки в Америке // Сов. археология. 1940. № 5. С. 305; *его же.* Археологическая мексиканская коллекция // Там же. С. 305; *его же.* Кабардинские курганные погребения в окрестностях г. Нальчика // Материалы и исследования по археологии СССР. 1941. № 3. С. 317—324; *его же.* Древняя эскимосская культура на Чукотском полуострове // Краткие сообщ. Института истории материальной культуры. Вып. 9. 1941. С. 80—89; *его же.* (совм. с А. П. Кругловым и П. Н. Третьяковым). Деревня Матакюля 1935—1936 гг. // Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936. М.; Л., 1941. С. 18.
- ⁹ О М. В. *Евстратове* см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5, 272, 392. Д. 426. Л. 29; Оп. 1 (1941). Д. 44.
- Л. 16.
- ¹⁰ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 35.
- ¹¹ О И. И. *Сазонове* см.: Там же. Оп. 5. Д. 343; 426. Л. 80.
- ¹² О П. Д. *Рыжакове* см.: Там же. Д. 341; 426. Л. 76.
- ¹³ О А. А. *Савиниче* см.: Там же. Оп. 5. Д. 342; 426. Л. 79.
- ¹⁴ О Г. А. *Главацком* см.: Архив МАЭ. Личное дело; *Решетов А. М.* История формирования коллекций и изучение народов Зарубежной Азии в МАЭ // Сб. МАЭ. Т. 35. Л., 1980. С. 105—106; *Вологодина В. Н.* Из истории Кунсткамеры: Музейные работники в годы войны и блокады // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 4. СПб., 1994. С. 183.
- ¹⁵ *Главацкий Г. А.* (совм. с Н. В. Кюнeром). Выставка китайского лубка // Сов. этнография. 1952. № 1. С. 196—200; *его же.* Экспозиция «Культура и быт народов Китая» в Музее антропологии и этнографии АН СССР // Там же. 1957. № 2. С. 172—178; *его же.* (совм. с Р. Ф. Итсом). Парадный костюм китайского генерала из собрания Кунсткамеры. (К истории китайской армии XVIII—XIX вв.) // Сб. МАЭ. Т. 17. М.; Л., 1957. С. 215—237; *его же.* Поездка в Китайскую Народную Республику (Заметки этнографа) // Сов. этнография. 1959. № 5. С. 164—167; *его же.* (совм. с Э. Е. Фрадким). Китайский старинный лубок. Комплект открыток. Текст. Л., 1959; *его же.* Китай // Восточная Азия. Краткий путеводитель по экспозиции МАЭ. М.; Л., 1964. С. 3—15; *его же.* Ремесла китайцев // Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965. С. 219—232; *его же.* Новая экспозиция «Культура и быт населения Японии в МАЭ» // Сов. этнография. 1970. № 3. С. 162—175.
- ¹⁶ О И. Я. *Треногове* см.: Архив МАЭ. Личное дело; Октябрьская фронтовая. Воспоминания о работе Октябрьской магистрали в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Л., 1970. С. 376; *Чивидев М. Г. и др.* Магистраль бесстрашных. Л., 1971. С. 58, 59, 86.
- ¹⁷ О С. Н. *Стебницком* см.: ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 5. Д. 130; *Капица Л.* Из истории одной русской семьи // Народное образование. 1991. № 7. С. 102—111; *Овчинникова Г. В.* Жизнь и судьба С. Н. Стебницкого (методико-библиографический материал). Палана, 1992.
- ¹⁸ *Стебницкий С. Н.* Изба-читальня. Старый и новый быт // Ред. сб. проф. В. Г. Тан-Богораз. Л., 1924. С. 105—116; *его же.* Коряцкие дети // Советский Север. 1930. № 4. С. 39—47; *его же.* Эпи-охотник. М.; Л., 1930; *его же.* Летучий нинвит. М.; Л., 1930; *его же.* Непеуге-делегат. М.; Л., 1930; *его же.* Пурга. М.; Л., 1931; *его же.* У коряков на Камчатке // Библиотека журнала «Дружные ребята». М., 1931; *его же.* Школа на тундре. М.; Л., 1932; *его же.* (рец.) Билибин Н. Н. Обмен у коряков. Л., 1930. 40 с. // Сов. этнография. 1935. № 4—5. С. 242—243; *его же.* Перевод на русский язык нымьланской (корякской) книги для чтения, составленной Кецаем Кежкетыном. В помощь учителю нымьланской (корякской) школы. М.; Л., 1936; *его же.* Чавачаванские и нымьланские (корякские) сказки. Изд. 2-е, исправленное по новой орфографии нымьланского (корякского) языка // Памяти В. Г. Богораз (1865—1936). Сб. статей. М.; Л., 1937. С. 287—307; *его же.* Автобиография нымьланов // Сб. статей. «Сов. этнография». 1938. № 1. С. 76—79; *его же.* Нымьланы-алоторцы. (К вопросу о происхождении оленеводства у южных коряков) // Там же. С. 129—144; *его же.* Очерки по языку и фольклору коряков. СПб., 1994; *его же.* Алоторский диалект нымьланского (корякского) языка // Сов. Север. Л., 1938. № 1. С. 65—102; *его же.* Нымьланы-карагинцы по материалам С. П. Крашенинникова (к вопросу о происхождении карагинского диалекта нымьланского (корякского) языка в свете лингвистических материалов С. П. Крашенинникова

ва) // Там же. 1939. № 2. С. 129—170; *его же*. Из истории падежных суффиксов в корякском и чукотском языках. Л., 1941; *Антронова В. В.* Коряки (в основу описания дореволюционного быта положена статья С. Н. Стебницкого и Н. Б. Шнакенбурга) // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 950—977; *ее же*. Представления коряков о рождении, болезни и смерти (на основе материалов В. Иохельсона и С. Н. Стебницкого) // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1970. С. 254—267.

¹⁹ *Богораз В. Г.* Материальная культура чукчей. Авторизованный пер. с англ. / Отв. редактор, автор послесловия и примечаний И. С. Вдовин. М., 1991.

²⁰ Справка Военно-медицинского музея Министерства обороны РФ. Архив военно-медицинских документов. 6-й отдел. 21 декабря 1994 г. Справка хранится в архиве автора.

²¹ *Капица Л.* Указ. раб. С. 110.

²² *О И. М. Лекомцеве см.*: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 139, 203; Ф. 222. Оп. 2. Д. 836, 1035; Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 522. *О семье Лекомцевых см.*: *Костицына Т. Я.* Твой, революция. Ижевск, 1991. С. 87—96.

²³ *Лекомцев И. М.* Хлеборобы восточных островов Азиатского архипелага. (По материалам Музея Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР) // Сов. этнография. 1935. № 3. С. 59—70; *его же*. Обзор этнографических работ по Советскому Союзу за 1935 г. по газетным сообщениям // Там же. 1936. № 1. С. 101—105; *его же*. Этнографическая секция Ин-та антропологии, археологии и этнографии АН СССР // Там же. С. 142—143; *его же*. Поездка в Удмуртскую АССР // Там же. С. 155—157; *его же*. Первая марийская научная языковедческая конференция // Там же. 1937. № 1. С. 172—174; *его же*. Социалистическое строительство среди народов Поволжья // Там же. 1937. № 2—3. С. 3—14; *его же*. Центральный музей краеведения Удмуртской АССР // Там же. С. 122—124; *его же*. А. И. Герцен о вятских удмуртах и марийцах // Там же. 1937. № 4. С. 134—136.

²⁴ *О Н. К. Каргере см.*: ПФА РАН. Ф. 4, Оп. 4. Д. 2823; Салехардский государственный архив Тюменской области. Ф. 22. Оп. 1 л/с. Д. 2, 3, 5, 7; Письмо Управления по Ленинградской области КГБ СССР от 8 октября 1991; ответ прокуратуры г. Санкт-Петербурга от 6 сентября 1993 г.; Справка 6-го отдела Архива Военно-медицинских документов Военно-медицинского музея от 3 июля 1993 г. Материалы хранятся в архиве автора.

²⁵ *Каргер Н. К.* Классификационная система родства у гольдов // Сб. этнографических материалов. Изд. этнографического отделения ЛГУ. Л., 1927. № 2. С. 26—34; *его же*. (рец.) Лопатин И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарские. Опыт этнографического исследования... Владивосток, 1922 // Этнография. 1928. № 1. С. 139—141; *его же*. Отчет об исследовании родового состава населения бассейна р. Гарина // Гарино-Амгунская экспедиция 1926 г. Предварительный отчет Н. К. Каргера и И. И. Козьминского. Известия Комитета по изучению племенного состава СССР и сопредельных стран. Вып. 3. Л., 1929. С. 3—24; *его же*. Гиляки // БСЭ. Т. 16. М., 1929. Стлб. 485—488; *его же*. Оленеводство у енисейцев (кето) // Сов. Север. 1930. № 6. С. 28—38; *его же*. В. К. Арсеньев // Там же. 1931. № 1. С. 135—137; *его же*. Родовой состав ульчей // Там же. 1931. № 5. С. 110—125; *его же*. Кетский язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 3. Языки и письменность палеоазиатских народов. М.; Л., 1934. С. 223—238; *Karger N. K.* Bukvar. L., 1934. (на кет. яз.).

²⁶ Как говорится, неисповедимы пути Господни... Родной брат его, Михаил Константинович Каргер (1903—1976), понятно, того же социального происхождения, остался спокойно работать в Ленинграде, защитил докторскую диссертацию, возглавлял Ленинградское отделение Института археологии АН СССР и кафедру истории искусств исторического факультета ЛГУ. О нем см.: *Киричников А. Н. М. К. Каргер* (некролог) // Сов. археология. 1977. № 3. С. 333—334.

²⁷ Архив Музея СПБГУ.

²⁸ *О В. И. Равдоникасе см.*: ПФА РАН. Ф. 1049. Будущему исследователю научной и общественной биографии Равдоникаса можно только пожелать успешной работы над материалами его обширного фонда. См. также: *Столяр А. Д.* Деятельность В. И. Равдоникаса // Тивинский сб. Тихвин, 1987. С. 8—25.

²⁹ *Равдоникас В. И.* Доисторическое прошлое Тихвинского края // Тихвинский край. Тихвин, 1924. С. 1—36; *его же*. Население Тихвинского уезда // Тихвинский край. Тихвин, 1926. С. 237—241; *его же*. Чухари // Там же. С. 242—261; *его же*. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930; *его же*. За марксистскую историю материальной культуры // Изв. ГАИМК. Т. 7. Вып. 3—4. Л., 1930; *его же*. К вопросу о социологической периодизации палеолита в связи со взглядами Маркса и Энгельса // Там же. Т. 9. Вып. 2. Л., 1931; *его же*. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. М.; Л., 1934; *его же*. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 1. М.; Л., 1936; Ч. 2. М.; Л., 1938; *его же*. История первобытного общества. Ч. 1. Л., 1939; Ч. 2. Л., 1947; *его же*. Неолитический могильник на Онежском озере // Сов. археология. 1940. № 6. С. 46—62; *его же*. Старая Ладога // Там же. 1949. № 11. С. 5—54. Списки работ В. И. Равдоникаса см.: Советская археологическая литература. Библиография. 1918—1940 / Сост. Н. А. Винберг. Т. Н. Заднепровская, Р. Ш. Левина, А. А. Любимова. М.; Л., 1959; Библиография трудов Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. 1900—1962. Л., 1967.

³⁰ Международная конференция к 100-летию В. И. Равдоникаса. Тезисы докладов. СПб., 1994.

³¹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 40.

³² *О Н. П. Никульшине см.*: ПФА РАН. Ф. 142. Д. 324, 409.

³³ *Никульшин Н. П.* Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. Л., 1939. Материалы Н. П. Никульшина были использованы Г. М. Василевич при написании статьи «Эвенки» для тома «Народы Сибири». М.; Л., 1956. С. 701—741. Неопубликованные работы Н. П. Никульшина хранятся в Архиве МАЭ (Ф. 1).

³⁴ *О Г. Д. Верbove см.*: ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 2795; Ф. 142. Оп. 5. Д. 90, 245; 387; 426. Л. 14; *Омельчук А. Рыцари Севера*. Свердловск, 1982. С. 99—128; *Степанов Н. Н.* Предисловие // *Зуев В. Ф.* Материалы

по этнографии Сибири XVIII в. (1771—1772) // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. 5. М.; Л., 1947. С. 8—10.

³⁵ Вербов Г. Д. (рец.) Старцев Г. А. Самоеды (ненча). Историко-этнографическое исследование. Л., 1930 // Сов. этнография. 1931. № 1—2. С. 196—198; *его же*. Лесные ненцы // Там же. 1935. № 2. С. 57—70; *его же*. Ненэцкие сказки и былины (из ненэцкого фольклора). Сале-Хард, 1937; Краткий ненэцко-русский и русско-ненэцкий словарь / Соств. Г. Д. Вербов. Сале-Хард, 1937; *его же*. Пережитки родового строя у ненцев // Сов. этнография. 1939. № 2. С. 43—66; *его же*. О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII в. // Изв. ВГО. Т. 75. Вып. 5. 1943. С. 16—23; Зуев В. Ф. Указ. раб. // Труды Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. 5. М.; Л., 1947. Подготовил к печати Г. Д. Вербов; *его же*. Василий Федорович Зуев // Зуев В. Ф. Указ. раб. С. 1—16.

³⁶ Архив МАЭ. Ф. 2.

³⁷ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 40. Л. 31.

³⁸ Там же. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 40. Л. 31.

³⁹ Груздев И. А. (1892—1960) — русский советский критик и литературовед. О нем см.: Иоффе Ф. М.

Груздев Илья Александрович // Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. М., 1964. Стлб. 430—404.

⁴⁰ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1942). Д. 25. Л. 2, 17.

⁴¹ Книга памяти. Ленинград. 1941—1945. Т. 1. Василеостровский район. А—Л. СПб., 1994. С. 152.

Paying the Debt. Part II. In memory of the collaborators of the Institute of Ethnography, Soldiers of the Great Patriotic War

The article is the second part of the three-part article entitled «Paying the Debt». Life and work of the ethnographers and employees of the Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences, who fought and died at the fronts of the Great Patriotic War are described.

A. M. Reshetov

© 1995 г., ЭО, № 3

Л. А. Тульцева

ВДОВЬЯ ДОЛЯ

(заметки этнографа)

Не запить мне свово горюшка
Ни пивом, ни вином,
Не забыть своих сыночков
Мне ни ноченькой, ни днем.

Плясать пойду
С оглядкою,
Как жить, как быть
Солдаткою! ¹

В 1987 г. в Кологривском р-не Костромской обл. от жительниц д. Красный Бор я записала несколько частушек времен Великой Отечественной войны:

1. Замиленочек убит,
Лежит под берестиночкой:
Восемнадцать годов
Осталась сиротиночкой.
2. Ягодиночку убили
За Родину, за Сталина:
Его бронзовая пуля
Умереть заставила.

3. Неужели пуля-дура
Ягодиночку убьет,
Его русые куделички
По полю разнесет.
4. Мы с залеткой расставались
На Унге на реке:
Подарил четыре яблочка —
Растаяли в руке.